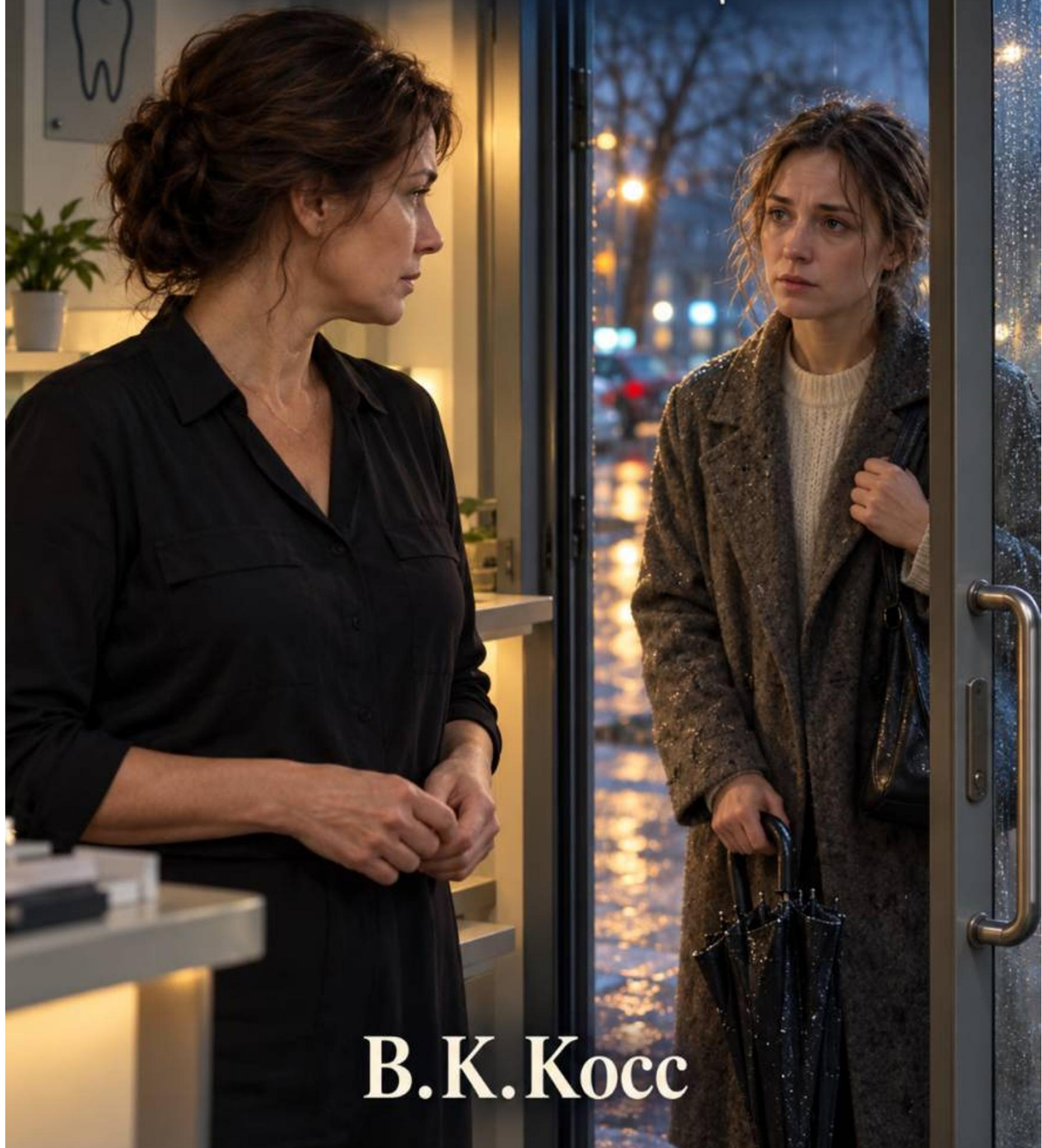

Моя замена пришла ко мне за помощью

В.К.Косс

В.К. Косс

**Моя замена пришла
ко мне за помощью**

«Автор»

2026

Косс В.

Моя замена пришла ко мне за помощью / В. Косс — «Автор»,
2026

Новая жена моего бывшего мужа пришла ко мне за десять минут до конца смены. Она тоже собирается уйти от Андрея. И просит меня помочь с его матерью. Я знаю, где в той квартире лежат квитанции, какую капусту любит бывшая свекровь и сколько длится «на первое время». Двадцать лет я подстраивала под них свои дни. Теперь у меня съемная квартира и взрослый сын. Я только привыкаю распоряжаться собственными выходными. Отказать женщине, занявшей мое место, было бы приятно. Только Антонину Павловну я все еще люблю. А привычка быть нужной никуда не делась после развода. А потом в моей жизни появляется мужчина, рядом с которым хочется задержаться, а не бежать домой. Только в прежней квартире уже знают мои выходные. И снова рассчитывают на меня.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две упаковки	5
Глава 2. Что лежит в верхнем ящике	11
Глава 3. Моя чашка на чужой кухне	14
Глава 4. Пока все не устроится	17
Глава 5. Четверг	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В.К. Косс

Моя замена пришла ко мне за помощью

Глава 1. Две упаковки

Виктория пришла за десять минут до конца моей смены. Я как раз звонила пациенту, который хотел записаться на субботу, а теперь утверждал, что по субботам никогда не может.

— Тогда давайте посмотрим понедельник, — предложила я.

Мужчина в трубке вздохнул так, словно понедельник придумала я и исключительно ему назло.

Входная дверь еще не закрылась, и за спиной Виктории шумела мокрая улица. Она придерживала дверь плечом, вытаскивая зонт. Потом нажала кнопку, спицы дернулись, с ткани на коврик полилась вода.

Я показала ей на пластиковую подставку у стены.

Она кивнула и поставила туда зонт. Как обычный человек, пришедший лечить зубы.

— В понедельник в половине одиннадцатого, — сказала я в трубку. — Да. Я сейчас повторяю адрес.

Пока я говорила, Виктория сняла куртку. Под ней оказался светлый джемпер, у которого один рукав был растянут на запястье. В прошлый раз я видела ее в платье с открытыми плечами. На фотографии. Не целиком: Никита листал снимки в телефоне, я стояла рядом, он не сразу понял, что показывать мне следует не все.

После этого он так старательно выбирал фотографии, что я стала реже просить.

Мужчина согласился с понедельником. Я внесла запись, положила трубку и только тогда посмотрела на Викторию.

— Вы ко мне?

— Да. Здравствуйте.

Я не помнила, здоровались ли мы раньше. Вблизи я видела ее только однажды: она сидела в машине рядом с Андреем, я вышла из подъезда за забытой Никитой сумкой. Тогда Андрей открыл багажник и спросил, что в ней такого тяжелого. Я ответила: книги.

Там действительно были книги.

— Вам удобно сейчас поговорить? — спросила Виктория.

На экране стояло девятнадцать пятьдесят две. За закрытой дверью кабинета гудел пылесос. Наша уборщица Тамара всегда начинала с дальнего угла, а потом шла к выходу, и вскоре мне предстояло поднять ноги вместе со стулом.

— О чем?

Виктория глянула на камеру над гардеробом.

— Лучше не здесь.

Я свернула расписание: с той стороны стойки были видны фамилии пациентов.

— Тогда напишите.

Она обхватила пальцами ремешок сумки, висевшей у бедра.

— Это про Антонину Павловну.

Я встала так быстро, что стул откатился и ударил колесиком по тумбе.

— Что с ней?

— Нет, ничего. В смысле, ничего нового. Простите, надо было сразу сказать.

Я вернула стул на место.

— Не надо так начинать разговор.

— Да. Я поняла.

На минуту мы обе замолчали. Из кабинета вышла Тамара с проводом в руке.

— Наташ, ты ноги подними, я тут быстренько.

Я подняла ноги. Виктория отошла к входной двери. Тамара пропылесосила под столом, вытащила из-за тумбы чью-то бахилу и недовольно посмотрела на нее. При ней говорить об Антонине Павловне я не собиралась.

Я проверила кассу, выключила компьютер и потянулась за своей сумкой. У правой ручки расходился шов. Я третий день перекладывала кошелек и ключи так, чтобы вес приходился на левую сторону, хотя мастерская была через два дома.

Из маленького холодильника в комнате персонала я забрала пакет с продуктами. Купила их днем, когда Светлана, наш старший администратор, отпустила меня на обед. Две упаковки творога продавались по желтым ценникам. Дома тоже был творог, но я это вспомнила уже после кассы.

Виктория ждала у двери, не надевая куртку.

— У меня через пятнадцать минут автобус, — сказала я.

Она быстро оделась.

На улице дождь почти закончился. С крыши остановки капало на железную скамью, поэтому трое пассажиров стояли рядом, оставив ее пустой. Мне не хотелось, чтобы они слушали наш разговор. Я остановилась под козырьком закрытой парикмахерской.

— Говорите.

Виктория прижала мокрый зонт к ноге.

— Я собираюсь уйти от Андрея.

Я ждала продолжения, но она молчала.

— И?

— Я еще не нашла, куда. То есть варианты есть, я смотрю. Просто это займет какое-то время.

Я переложила пакет в другую руку. Ручка успела врезаться в два пальца.

— Надеюсь, вы не думаете, что я...

— Нет. К вам я не собираюсь. Господи, нет.

На этом месте можно было обидеться. В другой день я, наверное, обиделась бы. Но сейчас меня занимало, какая часть ее истории касается меня.

— Мы с Андреем поссорились, — продолжила она. — Не сегодня. Вообще. Это не один разговор. Я уже решила.

— Вам не нужно меня убеждать.

— Он говорит, что я драматизирую.

Я посмотрела на часы над витриной парикмахерской. Они отставали на одиннадцать минут еще с весны.

— Виктория, что вы хотите от меня?

Она вдохнула, собираясь с ответом.

— Мне нужно, чтобы вы помогли с Антониной Павловной. На первое время.

С улицы донесся короткий сигнал. Машина не могла выехать из кармана, потому что за ней встал курьер. Он показал водителю поднятый палец: одну минуту.

Я почему-то смотрела именно на него.

— В каком смысле помогла?

— Пока мы что-то не придумаем. Я не могу просто собрать вещи и оставить ее. Андрей до вечера на работе. А если у него выезд, то и позже. Она одна не спускается, продукты надо привезти, белье поменять. Я понимаю, вы все это знаете.

Да, я знала. В квартире были два комплекта постельного белья, которые Антонина Павловна соглашалась стелить без предварительной стирки. Голубой и белый с мелкими ветками.

Остальные казались ей жесткими, даже когда становились мягкими от времени. Она хранила их для гостей, которых давно не оставляла ночевать.

Виктория ждала ответа. Я посмотрела на нее.

— Вы обсуждали это с ним?

— Конечно.

— Что он сказал?

— Что нельзя так резко. Что его мать ко мне привыкла. И что взрослые люди сначала договариваются, а потом принимают решения.

Последнюю фразу она произнесла медленнее остальных. Я слышала ее и раньше. Обычно после того, как решение уже принял Андрей.

— А со мной вы о чем хотите договориться?

— Хотя бы на четверг. Мне нужно посмотреть две комнаты после шести. Я их с трудом нашла, хозяева раньше не могут. Если я начну объяснять, почему не приду, сдадут другим.

— В четверг Андрей работает до шести.

— У него футбол.

Я засмеялась.

Сначала только фыркнула — еще можно было остановиться. Но Виктория посмотрела на меня с такой усталой серьезностью, что я отвернулась к витрине и засмеялась снова.

В стекле отражались мы обе. Я с продуктовым пакетом, она с зонтом, между нами надпись: «Стрижка горячими ножницами».

— Извините, — сказала я, когда смогла. — Просто четверг.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет, не думаю.

Она побледнела. Или это свет от витрины лег на лицо иначе.

Я прикусила щеку, чтобы перестать смеяться. Сколько раз представляла: вот и она дождется его с работы, а он опять забыл, не успел, не понял, о чем его просили. Мне хотелось увидеть ее лицо. Теперь Виктория стояла передо мной в мокрых ботинках, а мне было стыдно поднять глаза. И все-таки я была рада, что она узнала про четверг.

— Он что, не может один вечер побыть со своей матерью?

— Может. Я ему так и сказала.

— Тогда зачем вам я?

Виктория перехватила зонт. Вода с него текла на носок ботинка, она наконец заметила и отставила его от ноги.

— Потому что она просит вас.

За остановкой показался автобус. Не мой. Я проводила его взглядом, проверяя номер дважды.

— Что именно она говорит?

— Спрашивает, не созванивались ли мы. Говорит, вы умеете нормально складывать простыни, чтобы их потом можно было достать. Что вы не ставите суп в большой кастрюле в холодильник. Что у вас она никогда не теряла квитанции.

Я хорошо помнила квитанции. Антонина Павловна убирала их в разные места, потому что не хотела держать деньги и бумаги вместе. Потом обвиняла Андрея, что он взял и не вернул. Когда мы искали пропажу вдвоем, я старалась незаметно заглянуть в карман ее домашнего халата. Иногда находила.

— Квитанции в зеленой папке, — сказала я. — Верхний ящик в тумбе, под телевизором.

— Я знаю, где квитанции.

Мы посмотрели друг на друга.

— Извините, — сказала она. — Я не за этим пришла.

— Но про это рассказываете.

— Потому что я так больше не могу. Что бы я ни сделала, оказывается, можно лучше. Я работаю до шести. Иногда до семи, когда отгрузка. Она звонит, я не отвечаю, потому что разговариваю с клиентом. Потом я приезжаю и слушаю, что телефон человеку для того и нужен, чтобы можно было дозвониться. А Андрей спрашивает, трудно мне, что ли, взять трубку на минуту.

Утром по дороге на работу я съела банан, днем — принесенный из дома рис. Теперь тянуло под ложечкой; я не могла понять, голодна или меня мутит.

— Вам надо говорить с Андреем, — сказала я.

— Я говорю.

— Еще раз.

— Наталья Сергеевна, он считает, что вы к ней приходите.

Я не сразу поняла.

— Что?

— Он думал, вы и так заходите. Иногда, днем. Что вы общаетесь, когда нас нет.

После развода я была у Антонины Павловны четыре раза. Дважды забирала вещи. Один раз привезла новый пульт к телевизору: она попросила купить такой же, как старый, чтобы не учиться заново. В четвертый раз зашла в мае, на ее день рождения. Купила азалию. Антонина Павловна сказала, что цветы все равно погибнут, потому что у нее нет сил за ними ухаживать.

Я поставила горшок на подоконник. Через неделю она позвонила и спросила, как часто его поливать.

Мы разговаривали иногда. В последнее время реже. Ее просьбы не кончались на одном вопросе, я это знала и потому порой не отвечала сразу. Потом чувствовала себя виноватой и обещала перезвонить вечером. Иногда забывала.

— А вы не спрашивали ее? — спросила я.

— Спрашивала. Она сказала: «Наташа за мной следить не нанималась».

Я замолчала.

На остановке люди сдвинулись ближе к краю тротуара. В конце улицы показался мой автобус; сквозь мокрое стекло кабины горел номер.

— Мне нужно идти.

— Да, конечно.

Виктория отступила, освобождая дорогу, хотя и так не мешала.

Я сделала два шага и остановилась.

— Ей сейчас что-нибудь нужно?

— Сегодня?

— Да.

— Сегодня нет. Я купила продукты. Соседка заходила, пока я работала. Андрей уже дома.

— Тогда почему вы все время говорите, что оставляете ее одну?

Она стиснула губы. Потом ответила:

— Не знаю. Он так говорит. И я, наверное, тоже.

Автобус подъехал. Я поспешила к нему, на ходу вытаскивая телефон. У самой двери пакет сполз с пальцев. Виктория подхватила его снизу, не дав удариться о ступеньку.

— Я донесу, — сказала я.

— Я не отбираю.

— Знаю.

Телефон не сразу сработал у терминала. Водитель смотрел в зеркало. За мной ждали двое.

— Я завтра вам отвечу, — сказала я Виктории.

— Хорошо.

— Я не обещаю, что приду в четверг.

— Я поняла.

Я приложила телефон еще раз. На этот раз терминал пискнул, и водитель закрыл дверь.

Свободное место нашлось у окна. На стекле осталось чье-то жирное пятно на уровне виска. Я села, поставила пакет на колени и впервые за весь разговор позволила себе нормально выдохнуть.

Виктория все еще стояла на тротуаре. Потом развернулась и пошла в другую сторону, держа зонт под мышкой.

Телефон завибрировал.

Я увидела имя Никиты и сразу ответила.

— Мам, привет. Не спишь?

— В восемь вечера?

— Ну мало ли. Ты же говорила, после смены сразу падаешь.

На заднем плане кто-то кричал: «Да поставь ты уже!»

— Падаю. Но сначала добираюсь до дома. Что у тебя?

— Мы микроволновку купили. Я тебе сейчас покажу.

— Куда вы ее поставите?

— Уже поставили. Сейчас по видео перезвоню.

Он отключился. Через несколько секунд я приняла видеозвонок и увидела его колено, кусок полосатого покрывала, чью-то голую пятку. Потом на экране появилась микроволновка на маленьком холодильнике. Сверху на ней стояла открытая банка растворимого кофе.

Я хотела сказать, чтобы убрали банку. Не сказала.

— Работает?

— Да. Нормальная. Дверца только плохо открывается, надо придерживать.

— Вы проверяли перед покупкой?

— Мам.

— Все, молчу.

Он засмеялся, и я тоже улыбнулась.

Никита повернул телефон к себе. Волосы торчали после душа, на скуле виднелась царапина.

— Это что у тебя?

— Где?

— На лице.

— А. Брился. Слушай, ты мне потом скажи, что в ней можно сделать, кроме разогреть. А то нам Димка обещал рецепт кекса в кружке, но у него какая-то резина вышла.

— Омлет можно. Только посуду нормальную возьмите.

Я объяснила, в какой миске готовить и почему крышка не должна прилегать плотно. Он слушал, отвернувшись к кому-то из соседей, но потом повторил почти все правильно.

— Ладно, мам. Я потом позвоню. Давай доезжай.

— Давай.

Мы отключились. Он не спросил ни об отце, ни о бабушке. Я собиралась рассказать ему про Викторию, даже успела придумать первую фразу, но теперь была рада, что не сказала.

На следующей остановке вошла женщина с большим цветочным горшком. Устроила его на соседнем сиденье, сама осталась стоять и держалась за спинку. Из пакета над землей торчала деревянная палочка с названием растения. Я наклонилась посмотреть, но прочесть не смогла.

Дома пахло разогретыми котлетами с третьего этажа. На нашем этаже кто-то сушил половик, перекинув его через перила, и я зацепила его пакетом.

Я включила свет в прихожей, поставила сумку на табурет и разулась. Правая туфля промокла у большого пальца. Ее тоже следовало отнести в мастерскую.

В квартире было тихо. На кухонном подоконнике лежали две недочитанные книги и счет за интернет. Хозяйка квартиры разрешила передвинуть стол к окну, но попросила не выбрасывать кружевную занавеску. Я сняла ее, постирала и убрала в верхний шкаф. Иногда вспоминала об этом с ощущением маленького проступка.

Я поставила чайник и достала продукты.

Два творога. Яблоки. Хлеб. Йогурт, который можно было не покупать. На обеих упаковках творога стоял один срок: до воскресенья.

Пока чайник шумел, я открыла переписку с Андреем.

Последним было его сообщение в августе: «Никита у тебя паспорт не оставлял?»

Мое: «Нет».

Потом: «Нашел».

Я набрала: «Вика сегодня приходила. С матерью надо что-то решать».

Посмотрела на написанное и стерла.

В холодильнике нашлись два яйца, половина огурца, сыр в пакете и еще одна, уже открытая упаковка творога. Я переставила сыр на полку выше, чтобы освободить место.

Телефон снова загорелся. На этот раз сообщение было с незнакомого номера.

«Это Виктория. Чтобы вы могли ответить. Спасибо, что выслушали».

Я сохранила номер. Сначала написала в имени «Вика Андрей», потом исправила на «Виктория Лукина». Фамилию я знала по тому самому свадебному снимку: Никита сказал, что она решила оставить свою. Я тогда ответила, что это ее дело, и он надолго замолчал.

Я прочла сообщение еще раз и положила телефон экраном вниз.

Чайник выключился. Я налила воду в кружку, отрезала хлеба и сыра. Села у окна. Со двора было видно, как сосед в доме напротив снимает белье с сушилки: медленно, по одной вещи, складывая каждую на сгиб локтя.

Я поела, не включая ничего в телефоне.

Потом помыла кружку, вытерла мокрое пятно под пакетом и достала из холодильника одну из новых упаковок. Завтра у меня был выходной. Можно было сделать сырники, если захочется.

Я открыла морозилку, подвинула пакет укропа и положила творог рядом.

Глава 2. Что лежит в верхнем ящике

Утром я проснулась от звука дрели. За стеной начинали ровно в девять, как будто это время было вписано в договор вместе с обязанностью жильцов перестать спать.

В выходные я часто лежала до половины десятого. За это время в голове успевал составиться список: стирка, магазин, счетчики. Сегодня первым пунктом появилась Антонина Павловна. Я перевернулась на другой бок, но дрель прошла сквозь подушку.

Записная книжка нашлась не сразу. Я помнила красную обложку, а она была коричневая, с потертым углом. Красной оказалась книжка с рецептами, которой я почти не пользовалась: все нужное знала на память, а ненужное требовало ингредиентов, за которыми следовало ехать отдельно.

Обе лежали в коробке из-под обуви. Я забрала ее при переезде, не разбирая, и с тех пор только добавляла туда то, чему не находилось места. Под квитанциями оказался Никитин школьный пропуск. На фотографии он шурился; ему тогда не нравились собственные уши. Я провела пальцем по выцветшему краю и отложила пропуск на стол.

В книжке были размеры окон, номер человека, который чинил холодильник, дата замены фильтра. Последняя запись: «Не брать Антонине гречку в пакетиках». Пакетики она не могла открыть мокрыми пальцами. На следующей странице я несколько раз начала список расходов на новую квартиру и бросила.

Мне вдруг захотелось узнать, как теперь открывают гречку. Я потянулась за телефоном и задержала руку. Это был нелепый вопрос. Антонина Павловна давно могла купить другую крупу, Виктория — пересыпать эту в банку. За полтора года они как-нибудь поели.

Я позавтракала, включила стирку и только потом позвонила.

— Наташа? — Антонина Павловна отозвалась сразу. — Я тебя слышу, не кричи.

Я еще не успела ничего сказать.

— Доброе утро. Как вы?

— Нормально. Колено ноет на дождь. У вас тоже льет?

Мы жили в одном городе. У нее это был способ начать разговор, и я привычно посмотрела в окно.

— Уже нет.

— У меня окно на другую сторону. Может, и у нас перестало.

Где-то рядом с ней работал телевизор. Она убавила звук, причем не с первого раза: сначала стало громче, потом совсем тихо.

— Пульт исправен?

— Исправен. А что ему делается? Ты хороший купила.

Мне стало приятно. Я злилась на эту мелкую радость, но избавиться от нее не смогла.

— Виктория вчера ко мне заходила, — сказала я.

— Вот как.

— Вы знаете, что она собирается съезжать?

— Они разберутся. Я в их дела не вмешиваюсь.

Я подождала. В телевизоре что-то зааплодировали.

— Ты сама-то здорова? — спросила она.

— Да.

— А то голос у тебя нехороший. Простыла?

— Только проснулась.

— Счастливая. У меня в семь уже сна ни в одном глазу. Думаю, хоть бы кто зашел. Утро длинное.

Я посмотрела на работающую машинку. На прозрачной дверце прилип один мой носок, второй крутился внутри.

— Андрей где?

— В магазин вышел. Потом к людям своим поедет, у них там что-то потекло. У него работа такая.

— Он надолго?

— Откуда мне знать. Привезет продукты и поедет. Наташа, ты бы зашла, если не работаешь. Я тебя давно не видела.

Я собиралась спросить про помощь, про четверг, про то, как она ходит по квартире. Вместо этого услышала:

— Сегодня?

— А что тянуть? Я капусту хочу. У Вики получается мокрая, она крышку не снимает. Не любит она капусту, что с нее требовать.

В уме я уже прикинула, есть ли дома морковь. Потом поставила кружку на стол.

— Я могу прийти часа на полтора. После обеда.

— Приходи. Сыну сказать?

— Не надо. Я к вам.

— Ну, к кому же еще.

Она произнесла это спокойно. Я уже положила трубку, а все повторяла про себя: «К кому же еще». Может, она ничего такого не имела в виду. Я постояла у окна. Машинка перешла на отжим; на подоконнике дрожал пустой горшок, который я никак не выбрасывала.

Виктории я написала, что сегодня зайду к Антонине Павловне, а в четверг не приду. Перечитала. После точки хотелось добавить: «Не потому, что я на вас злюсь». Это было бы неправдой. Я злилась в том числе на нее и не очень хотела в этом разбираться.

Ответ пришел минут через пять: «Спасибо. Я буду дома».

Я еще раз перечитала свое сообщение: в четверг не приду. Может, она благодарила просто за визит. Уточнять не стала.

На лестничной площадке меня остановила соседка снизу.

— Вы не знаете, долго они еще сверлить будут?

— Не знаю.

— Я думала, вы знакомы. Тут все свои, только мы с мужем недавно.

Соседке было около шестидесяти. У ног стояла сумка на колесиках, на пальце висели ключи от машины. Я объяснила, что тоже снимаю квартиру и ни с кем толком не знакома.

— А я вас все время вижу, — сказала она. — Решила, давно живете.

Она назвала свое имя — Людмила, я назвала свое. Мы немного поговорили про домофон, который не всегда открывался с первого раза. Потом она пожелала хорошего выходного.

Уже на улице попыталась вспомнить, с кем еще в доме знакома по имени. Никого не вспомнила. Полтора года здоровалась на лестнице и торопилась закрыть за собой дверь.

По дороге к остановке я зашла в овощной. Кочаны капусты лежали в нижнем ящике. Я подняла один, подержала на ладони и попросила продавщицу его взвесить.

На выходе телефон снова завибрировал.

«Мама сказала, ты приедешь. Возьми хлеб, если не трудно».

Андрей. Без приветствия, без вопроса, как у меня дела. В другой раз я бы не заметила.

Я стояла возле ларька, в котором как раз продавался хлеб. Могла зайти, заплатить, сунуть батон рядом с капустой. Это заняло бы меньше времени, чем ответ.

«Ты ведь был в магазине», — написала я.

Он ответил почти сразу: «Забыл».

Я убрала телефон. Дошла до остановки, посмотрела расписание и вернулась к хлебному ларьку. Купила один батон, а сдачу не могла убрать в кошелек: молния заела.

В автобусе от пакета пахло теплым хлебом. Я злилась на Андрея, на молнию и больше всего на собственное облегчение. Одной заботой у них стало меньше, и от этого мне было спокойно.

Я не написала ему, что купила хлеб. Но он и не спросил.

Глава 3. Моя чашка на чужой кухне

Домофон открылся сразу. Я все равно искала в сумке ключи и нащупала старый плоский ключ с зеленым колпачком. На нем давно стерлась надпись «верхний». Нижний замок сменили еще до развода, а этот оставили.

Я поднялась на лифте, позвонила. Когда-то входила без звонка даже с двумя пакетами в руках: дверь придерживала коленом, ключ оставляла в замке. Теперь стояла и смотрела на облупившийся край косяка.

Виктория открыла в носках. Один был темно-серый, другой черный. Она заметила мой взгляд и сказала:

— После стирки не могу пару найти.

Я сняла туфли. На полке стояли мои старые тапочки, те самые, с расползшейся розой. Я не забрала их, потому что собиралась выбросить.

— Это ваши? — спросила Виктория. — Антонина Павловна не дала убрать.

— Я в носках пройду.

Капусту и хлеб я отдала ей. Она взяла пакет, не заглядывая.

Антонина Павловна сидела в кресле у окна. На коленях лежало кухонное полотенце, на нем — пульт и очки. Азалия стояла за занавеской, обрезанная, но живая.

— Что на пороге стоишь? Иди сюда.

Она протянула руку. Я наклонилась, поцеловала ее в щеку. Кожа была сухая, прохладная; пахло кремом, который я покупала ей годами, пока он не пропал из ближайшей аптеки.

— Похудела, — сказала она.

— Нет.

— Мне виднее. Вика, ты чайник поставила?

Виктория ответила из кухни, что поставила. Антонина Павловна придвинула ногой низкую скамеечку.

— Сядь. Или тебе неудобно?

На скамеечке я раньше сидела, когда помогала ей надеть чулки. Я взяла стул от письменного стола и поставила рядом.

Она смотрела, как я усаживаюсь. Потом поправила полотенце на коленях.

— Никита тебе звонит?

— Вчера разговаривали. Микроволновку купили.

— Опять что-то купили. Денег у него нет, а на всякую ерунду находят.

— Он еду греет.

— Я на плите грею.

Плита у нее была электрическая. Летом Андрей поставил маленькую настольную печку на свободный край кухонного стола, чтобы матери не приходилось наклоняться. Я заметила ее, когда пошла мыть руки. Потрогала ручку: на удобной высоте, не тяжелая. Проверять было нечего. Я убрала руку, пока Виктория не заметила.

В ванной заменили занавеску. Исчезла моя старая банка для прищепок, а на полке стояли три средства, которыми я никогда не пользовалась. Я вытерла руки своим прежним полотенцем для гостей. На его углу все еще торчала зеленая нитка.

На кухне Виктория доставала чашки.

— Вам какую?

Я увидела голубую, с маленькой трещиной у ручки. Ее мне подарили на работе на тридцатилетие. Тогда все скидывались понемногу, и в чашке лежали конфеты.

— Любую.

Виктория поставила передо мной белую. В голубую налила себе. Я отвернулась к окну, чтобы она не заметила моего лица. Вещь стоила копейки; я оставила ее сама. Но так ясно увидела ее пальцы на знакомой ручке, что захотелось забрать чашку прямо со стола.

— Наташа, — позвала Антонина Павловна. — Ты где пропала?

Я принесла ей чай на блюде. Она немного подвинулась в кресле.

— Капусту видела?

— Принесла.

— Хорошую выбрала?

— Не знаю. С виду обычная.

Она усмехнулась, и это было похоже на прежнее. В первые годы брака мы иногда вместе посмеивались над Андреем, который выбирал арбуз по размеру и никогда не мог признать, что купил несладкий.

— Он хлеб-то привез? — спросила я.

— Хлеб ты принесла.

— Понятно.

Мы пили чай. Виктория села у двери и сперва отвечала на сообщения, потом убрала телефон. Я спросила про ногу. Антонина Павловна перечислила привычные жалобы, сказала, что до кухни добирается сама, а в магазин, конечно, уже не идет. В ванную ей помогала Виктория — не каждый день, по необходимости. Соседка Валентина иногда забежала днем. Ночью мать обычно никого не будила.

— А то Вика расскажет, будто я тут лежащая, — добавила она.

Виктория посмотрела в свою чашку.

— Я такого не говорила.

— Ты вообще мало говоришь. Все в телефоне.

Я узнала этот поворот: еще несколько реплик, и придется выбирать, кого защищать. Вместо этого спросила, кто ходит с ней во двор.

— Никто сейчас. Холодно.

За окном солнце легло на стену соседнего дома. Было прохладно, но сухо. Я посмотрела на часы. Прошло сорок минут из моих полутора часов.

— Давайте выйдем ненадолго. До скамейки.

Антонина Павловна сразу начала отказываться. Не те брюки, тяжелое пальто, ей надо сначала в туалет, я замучаюсь ждать. Я уже пожалела о предложении, когда Виктория принесла из спальни легкую куртку и сказала, что брюки подойдут эти.

Мы собирали ее вдвоем. Она сердито переставляла ноги и сама тянула рукав куртки, пока мы пытались помочь. В лифте Виктория держала ее за локоть, я несла складную сумку на случай покупки. Никто не просил, я взяла ее с крючка автоматически.

На скамейке у подъезда сидели две соседки. Одна обрадовалась Антонине Павловне и сразу подвинулась. Я постояла рядом, потом села на край другой скамейки.

— Она так редко выходит, — тихо сказала Виктория.

— Одна не может.

— Со мной не хочет. Говорит, что я тороплю.

— Вы торопите?

— Да. Иногда. Я домой в семь приезжаю, еще готовить. Хочу быстрее пройтись, пока не стемнело.

Я кивнула. Мне хорошо был знаком этот вечер: моешь руки, ставишь пакет, снимаешь пальто, а тебя уже зовут из комнаты. Потом забываешь, куда положила телефон, и просишь с него позвонить. Он оказывается в пакете рядом с картошкой.

Антонина Павловна рассказывала соседкам про Никитину учебу. Я не знала, что он сам ей звонил на этой неделе. Она запомнила название предмета, на котором у него были трудности, и теперь произносила его почти без ошибок.

— Вы можете мне дать телефоны? — спросила Виктория.

— Какие?

— Ну, ваши. Кто помогал. Может, женщину какую-нибудь. Вы же давно с ней.

— У меня не было женщины.

Она ждала продолжения.

— Помогал Андрей, когда я просила. Иногда Никита. В основном я сама.

Виктория опустила глаза. Ее телефон снова загорелся; она нажала боковую кнопку, даже не прочитав.

— Я думала, вы знаете, как все организовать.

— Я могу отдать записи. Там телефоны мастеров, размеры. Но помощницы у меня не было.

Из подъезда вышел мужчина с собакой. Антонина Павловна потянулась ее погладить, соседка придержала ей рукав. Я встала раньше, чем поняла, что никто не падает.

Виктория тоже встала. Мы неловко посмотрели друг на друга и снова сели.

Когда вернулись в квартиру, Антонина Павловна захотела прилечь. Я помогла ей дойти до кровати. Она попросила сдернуть покрывало, дать другую подушку и отнести стакан на кухню. Потом взяла меня за запястье.

— Ты надолго исчезла.

Я посмотрела на ее руку. На среднем пальце сустав стал шире, кольцо давно лежало в шкатулке.

— Да.

— Я же тебе ничего плохого не сделала.

Я осторожно высвободилась.

— Отдыхайте. Я еще немного посижу на кухне и пойду.

Капуста лежала на столе. Рядом Виктория приготовила нож и доску, но ничего не сказала. Я сняла верхний лист, потом положила кочан обратно.

— Ее лучше без крышки в конце, — произнесла я. — Она так любит.

— Знаю.

В прихожей я замешкалась. Хотела попросить голубую чашку и не понимала, как это будет звучать. После всего разговора вернуться за треснувшей чашкой. Виктория уже держала дверь, ожидая, пока я надену туфли.

Я сказала:

— Там, на кухне. Голубая чашка. Она моя. Можно забрать?

— Конечно.

Она ушла и вернулась через минуту. Чашка была вымыта и завернута в бумажное полотенце.

— Я не знала, — сказала она.

— Я сама оставила.

— Все равно.

Я сунула чашку в пустую сумку. Пакет с капустой остался на кухне. На лестнице долго ждала лифт, пока из квартиры доносился звук шинковки, ровный и неторопливый.

Глава 4. Пока все не устроится

В понедельник Андрей позвонил мне на рабочий телефон.

— Ты мобильный не берешь, — сказал он вместо приветствия.

У стойки стояла женщина, которая никак не могла найти в сумке очки. Я придержала ей бланк и показала, где дата.

— Я работаю.

— Понимаю. У тебя вечером две минуты найдутся?

— После восьми.

— Поздно. Я к девяти буду у тебя. В клинике.

Он уточнил это с запозданием, будто вполне мог иметь в виду мою квартиру. Я посмотрела на часы: до девяти оставалось сорок минут. В утреннем расписании было одно свободное место, и на него я надеялась устроить чай.

— Я не смогу выйти.

— Я быстро.

Он отключился, а я вспомнила, что так и не сказала ему «да». В расписании обнаружилась ошибка: пациентку записали к врачу, который в этот день работал во вторую смену. Пришлось обзванивать остальных, искать возможность сдвинуть время и извиняться. Когда Андрей вошел, я заканчивала третий разговор.

Он принес кофе в картонном стакане. Поставил на свободный край стойки, подальше от документов.

— Без сахара.

Раньше я пила с сахаром. Перестала недавно, и он не мог этого знать. Значит, угадал, а я все равно успела почувствовать, что он что-то запомнил.

— Я просила после восьми.

— Вечером не успею, на объекте надо быть. Послушай, мама рада, что ты пришла. Она потом всю субботу про тебя говорила.

В субботу после моего ухода он мог вернуться домой. Это я проверила в уме, прежде чем позволить себе обрадоваться. Кажется, теперь я каждую его фразу проверяла, а когда-то считала это недостойным.

— Я к ней и приходила.

— Да, я понял. Просто Вика сейчас на нервах, ей надо время. Я не хочу, чтобы это на маме отражалось.

— А на ком должно?

Он поморщился.

— Наташ, давай без этого. Я к тебе нормально пришел.

Из кабинета выглянула врач, попросила перенести следующее посещение на десять минут. Я кивнула, отправила сообщение и только потом снова посмотрела на Андрея.

— Что ты предлагаешь?

Он явно обрадовался практическому вопросу.

— Мы знаем твои выходные. Можешь иногда заходить. Не каждый день. Пока все не устроится.

— Что должно устроиться?

— С Викой. Или найдем кого-нибудь. Ты сама понимаешь, за один день человека в дом не приведешь.

— Я понимаю. Кто будет искать?

— Посмотрим. У тебя, наверное, через работу есть знакомые.

— Через стоматологию?

— Люди же общаются.

За его спиной хлопнула дверь. Вошел мужчина с маленькой девочкой, она прижимала к лицу шарф. Я обрадовалась им так неуместно, что стало стыдно.

— Мне надо работать. Сегодня вечером я могу поговорить по телефону. Не здесь.

Андрей посмотрел на ребенка, на врача в коридоре и отступил.

— Ладно. Кофе выпей, остынет.

Когда он ушел, я отнесла стакан в комнату персонала. Светлана спросила, кто приходил. Я сказала: бывший муж.

— Похож на твоего сына, — сказала она.

От этой простой фразы я чуть не расплакалась. Они действительно были похожи: одинаково наклоняли голову, слушая человека, одинаково проводили ладонью по подбородку. Я видела Никиту отдельно от нашего брака и не замечала, как многое от Андрея продолжало жить рядом со мной, не причиняя боли.

— Он его отец, — сказала я.

Светлана кивнула, потом попросила меня посмотреть запись на среду. У нее был свой понедельник.

Вечером Андрей позвонил в двадцать минут девятого. Я стояла на остановке и, отвечая, сразу сказала:

— Я не буду ходить к матери по всем своим выходным.

— Никто не просит по всем.

— Ты сказал: мы знаем твои выходные. Вы — это кто?

Он немного помолчал.

— Наташ, я не понимаю, к чему придираюсь к словам.

— Потому что раньше я не придиралась, а потом выяснялось, что уже договорились.

Рядом со мной курил мужчина. Я отошла к краю остановки, попала в лужу, и настроение стало хуже. Хотелось произнести что-нибудь окончательное, чтобы Андрей понял с первого раза и больше никогда не спрашивал. Но окончательного у меня не было.

— Я могу иногда приходить к ней. Сама договорюсь, когда. В четверг меня не будет.

— У тебя что-то запланировано?

— Да.

— Что?

Я посмотрела на мокрый носок туфли. На четверг у меня был запланирован только визит в мастерскую. Можно было отнести туфли в среду. Можно было попросить соседа забрать заказ. Я мгновенно нашла несколько способов доказать, что на самом деле свободна.

— Мои дела.

Андрей коротко выдохнул в трубку.

— Ладно. Не хочешь — не надо. Только матери это скажи сама.

— Ты будешь дома?

— Я занят.

— Футболом?

— Это два часа. Мы с мужиками раз в неделю собираемся. Ты же знаешь.

Я знала. Знала еще, где лежали чистые футболки и почему одну нельзя стирать с темными вещами. Все это вдруг полезло в голову с такой ненужной отчетливостью, что я замолчала.

— Я могу перенести выезд, — сказал он после паузы. — Вообще-то для этого и спрашиваю. Чтобы понимать.

— Перенеси.

— Хорошо.

На этом мы закончили. Ни один из нас не сказал «пока».

Дома я поставила телефон на зарядку, а сама села на пол у шкафа. При переезде туда убрали сумку с зимней обувью. Я достала вторые туфли — старые, с потертым каблуком, но сухие. Поставила у двери.

В шкафу пахло картоном и еще немного чужими духами. Хозяйка хранила на верхней полке два платья в чехлах. Я спросила при заселении, можно ли их перевесить, она сказала: куда угодно, только не мять. С тех пор они оставались на месте.

Я перевесила оба платья в чехлах в боковой отсек. Освободилась полка. Туда поместились книжки, которые полтора года лежали в обувной коробке.

Красную с рецептами я поставила рядом со своими книгами. Коричневую оставила на столе. Надо было сделать копии нужных страниц и отдать.

Мне хотелось отправить Андрею длинное сообщение. Про двадцать лет, про выходные, про его удивление. Я даже открыла переписку.

Потом увидела его утренний пропущенный звонок и поняла, что опять собираюсь потратить на него вечер.

Я убрала телефон. Вспомнила, как утром Светлана задела папкой его стакан и кофе пролился на стол. Мы вытерли, выбросили стакан и пошли работать. Так я его и не попробовала.

Глава 5. Четверг

К четвергу я успела объяснить свой отказ трем людям. Виктории — сообщением, Андрею — дважды по телефону, Антонине Павловне — в среду вечером. Она выслушала и спросила, сильно ли я занята.

Я ответила, что да, и сразу почувствовала себя обманщицей.

На самом деле я хотела в кино. В торговом центре рядом с моей остановкой еще показывали фильм, на который я смотрела неделю. Ничего особенного: женщина приезжает к сестре, у них сложные отношения. В рекламе была желтая кухня и мужчина с собакой. Я не знала ни режиссера, ни актеров. Хотела два часа просидеть в темном зале, где никто не станет просить меня погромче включить звук.

Билет купила утром. Пока выбирала место, появилось сообщение от Виктории: «Андрей сказал, придет к шести. Я ухожу в половине седьмого».

Мне хотелось ответить, что я не диспетчер. Вместо этого написала: «Хорошо». Она не виновата, что я смотрю на экран так, будто обязана следить, кто куда перемещается.

До вечера я убиралась. Не генерально, просто вымыла пол, поменяла постель, вытряхнула крошки из тостера. В половине четвертого закончила и растерялась: до сеанса оставалось три часа. Я давно не встречала свободное время, которое уже никому не успела пообещать.

Вытащила из шкафа темно-синее платье. Надела, посмотрела в зеркало. Платье было хорошее, но для дневной уборки выглядело бы нелепо, а для похода в одиночестве — старательно. Я сняла его, надела брюки, потом снова платье. К нему нашлись длинные серьги, одна застежка заедала.

В сумку положила паспорт, кошелек, ключи и почему-то пачку влажных салфеток. Из кармашка выпал старый чек на мужские стельки. Я выбросила его и вдруг вспомнила, как Андрей сидел на краю ванны, просил посмотреть, почему у него натирает пятку. Вспомнила не с ненавистью. Тогда мне было приятно, что он зовет меня. Я опустилась рядом и долго разглаживала носок.

В коридоре телефона не оказалось. Я вернулась на кухню. На экране был пропущенный от Антонины Павловны.

Перезвонила сразу.

— Наташа, ты уже ушла?

— Собираюсь.

— Я просто спросить. Вика сказала, что тебе надо. Все нормально?

— Да.

— А куда ты?

— В кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.